

После ужина все довольные разошлись по домам, прихватив с собой свои скамьи и столы. Решили сделать это сразу, чтобы не привлекать лишнего внимания соседей завтра среди бела дня. А такие мелочи, как миски, договорились помыть и вернуть утром.

Когда посуда была прибрана, ночь уже полностью вступила в свои права. Вэй Цю выпрямился, потер поясницу и слегка похлопал по ней — ох, как же он устал! С непривычки физическая нагрузка давала о себе знать, да и сытный ужин навевал сонливость.

Он растянулся на кане, не в силах пошевелиться. Когда Чэн Шинань принес таз с горячей водой и увидел, что Вэй Цю уже клюет носом, он осторожно поставил таз, отжал полотенце и сам принялся вытирать лицо мужа.

Вэй Цю почувствовал приятное тепло и попытался было приоткрыть глаза, чтобы встать и умыться самому, но Шинань мягко удержал его, не давая подняться.

В комнате, освещенной тусклым светом свечи, разлилось уютное тепло. Вэй Цю чуть приоткрыл веки: сквозь сонную пелену он видел высокую фигуру и чувствовал, как большие мозолистые ладони бережно протирают его лицо и руки. Внутри всё словно воспарило — он никогда прежде не ощущал такой заботы, будто его хранили как самое дорогое сокровище на ладонях. Это чувство пьянило. Однако еще до того, как Шинань закончил мыть ему ноги, Вэй Цю не выдержал и окончательно провалился в глубокий сон.

— Фу-у... — свеча была погашена тихим выдохом.

В темноте Чэн Шинань забрался в постель, откинул одеяло и, привычно притянув спящего к себе, закрыл глаза.

Ночь прошла спокойно. Утром продолжал сеять мелкий дождь. Проснувшись в теплых и ставших уже привычными объятиях, Вэй Цю даже не удивился. Он украдкой взглянул на окно — снаружи всё еще стоял туман.

В дождливые дни стук капель по крыше действует как лучшее снотворное. Особенно когда лежишь в теплой постели, да еще и не один — было так уютно, что вставать совершенно не хотелось. Вэй Цю зевнул, потерся лбом о теплую грудь мужчины, и рука на его талии тут же сжалась крепче. Он сладко потянулся и снова закрыл глаза — еще рано, можно еще немного вздремнуть...

Когда Чэн Шинань открыл глаза, Вэй Цю снова посапывал. Мужчина посмотрел на покрасневшее во сне лицо в своих руках. Его сердце, прежде пустое, теперь наполнилось безмерным удовлетворением. Вэй Цю был таким чистым, изящным и светлокожим — он совсем не походил на деревенского гэра.

Шинань попытался вспомнить, каким был Вэй Цю, когда его только купили, но воспоминания оказались смутными. Он и не чаял когда-либо жениться: вернуться живым с границы было уже великим благом. Позже, когда мачеха и бабка начали строить против него козни, он не особо расстраивался — привык к такому с детства. Даже когда ему подсунули купленного Вэй Цю, он отнесся к этому холодно.

Вэй Цю тогда тоже боялся его, не смел слова вымолвить, забивался в угол как пугливый перепел. Весь день его гоняла мачеха, и даже в воду он упал, когда пошел стирать... хотя на берегу там лежит большой плоский камень без капли мха, с него так просто не соскользнуть. Никто так и не узнал, как он оказался в реке, а когда Вэй Цю очнулся, он, кажется, и сам позабыл об этом.

Они молчаливо решили не ворошить прошлое. Взгляд Шинаня стал сложным, он легонько коснулся нежной щеки мужа. В памяти всплыло всё: и тот спокойный, кроткий взгляд, когда Вэй Цю открыл глаза после болезни, и то, как он бессознательно схватил его за руку на телеге, и как заваривал полынь для его ног. То, как он готовит, и то, как бежит встречать его к воротам — каждая мелочь была такой яркой и живой.

Шинань крепче обнял его. Он подумал, что, возможно, всё это было предначертано судьбой. Нынешний Вэй Цю был настолько хорош, что хотелось отбросить всё и держать его из последних сил. Раньше смерть старшего брата — единственного близкого человека — оборвала последнюю нить, державшую Шинаня в этом мире. Поэтому ему было всё равно, что замышляет семья Чэн.

Но когда Вэй Цю лежал на кровати при смерти, Шинань вдруг с ужасом осознал: последний человек в этом мире, который вроде бы принадлежит ему, тоже хочет уйти вслед за братом. И тогда он решил удержать его любой ценой. Бороться за его жизнь, даже если они не будут вместе — просто чтобы тот выжил и смог уйти из этого «пожирającego людей» места. Сам Шинань сбежать не мог, но надеялся, что другой сможет...

А потом то неосознанное рукопожатие Вэй Цю словно разрушило стену между ними. Оно крепко привязало его к Шинаню в тот самый момент, когда тот уже готов был со всем распрощаться.

Шинань закрыл глаза, справляясь с чувствами, и нежно поцеловал мужа в лоб.

«Спасибо, что пришел», — прошептал он в мыслях и тихонько встал готовить завтрак.

Скрип... Дверь закрылась, шаги стихли. Вэй Цю на кровати тут же открыл глаза. Лицо его вспыхнуло, он прижал ладонь ко лбу.

«Как... как же так?» — он ошеломленно смотрел в пустоту. Только что Шинань обнимал его так крепко, что стало трудно дышать. И стоило ему проснуться, как он почувствовал это мягкое прикосновение губ. Первый поцелуй за двадцать семь лет жизни. Было ли это неприятно? Да вроде нет! В душе даже поселилась какая-то радость, будто это был совершенно естественный процесс.

В его жизни с тех пор, как умерла бабушка, долгое время не было места для другого человека. Раньше он терпеть не мог выстраивать близкие отношения, считал это обузой. А что теперь? Вэй Цю поерзал на кровати, вдыхая запах, оставленный Шинанем. Мысли летали где-то в облаках. Туманное чувство в глубине души начало стремительно меняться и незаметно пустило корни...

Чэн Шинань вошел с миской каши и, увидев ворочающегося на кровати мужа, не смог сдержать улыбки.

— Проснулся? — он поставил кашу на столик.

Вэй Цю мгновенно задеревенел и с головой накрылся одеялом. «А-а-а... какой позор!» — под одеялом он был близок к краху. Шинань видел его нелепые кувырки! Жар, который только начал спадать, вспыхнул с новой силой.

Шинань тихо хмыкнул, не смея смеяться в голос, чтобы не смущать его еще больше, и вышел за остальной едой. Только когда шаги стихли, Вэй Цю высунул нос, огляделся и молниеносно оделся. К тому моменту, как Шинань вернулся с закусками, он уже был в полном порядке.

— Кхм... Ши-гэ, прости, что тебе снова пришлось готовить завтрак.

Шинань покачал головой: — Ничего. Хорошо спалось?

Вэй Цю невольно коснулся лица: — Вполне... А тебе?

— Тоже хорошо. Не слезай, сегодня поедем прямо на кане.

Снаружи шелестел дождь, а в маленькой комнате было тепло и уютно. Они молча завтракали. После еды Шинань ушел мыть посуду, а Вэй Цю встал у двери, глядя на пелену дождя. Сквозь шум воды слышался стрекот цикад и кудахтанье на заднем дворе. Дождь словно отрезал их маленький мирок от всей остальной земли. Пейзаж вдалеке — дома, поля, ручей и старое дерево у входа в деревню — был неописуемо прекрасен...

«Стоп... куры!» — Вэй Цю хлопнул себя по лбу.

Про кур-то он и забыл! Моментально выпав из образа созерцателя, он смешал корм и поспешил на задний двор. Там было грязновато, цыплята в клетке голодно пищали. Осторожно ступая по грязи, он покормил их и вернулся в дом.

— Ши-гэ, мне кажется, курятник подтекает. Может, накрыть его сверху соломой?

— Хорошо, я сейчас сделаю, — Шинань вытер руки, надел доули (конусообразную шляпу) и принес охапку соломы.

Он уселся в главной комнате мастерить настил из бамбуковых планок и соломы. Вэй Цю присел рядом на корточки — заняться в дождь всё равно было нечем. Шинань, заметив это, пододвинул ему маленькую скамеечку. Вэй Цю с улыбкой сел и стал наблюдать за работой. Подперев подбородок руками, он то смотрел на Шинаня, то в окно на размокшую землю.

Вид был красивый, но перспектива месить грязь при каждом выходе из дома удручала. Вэй Цю вдруг остро заскучал по бетонным дорожкам.

— Ши-гэ, а тут поблизости есть крупные камни? Или, может, галька?

Шинань поднял голову: — С чего вдруг такой вопрос?

Вэй Цю улыбнулся: — Если есть, мы могли бы выложить дорожки во дворе и за домом. Чтобы не таскать грязь на ногах.

Шинань задумался. В ручье неподалеку была галька, а мелкие камни можно было найти на горе — много лет назад там было землетрясение, и часть невысокого склона обвалилась. Проливные дожди вымыли огромные валуны; часть из них жители раскололи на строительство домов, а самые красивые увозили в город богачам для украшения садов. Остался только мелкий щебень, который никому не был нужен.

— Здесь бывают землетрясения? — удивился Вэй Цю.

Видя его испуг, Шинань успокоил его: — Это было десятки лет назад. Не бойся, с тех пор земля спокойна.

— О, ну и славно, — выдохнул Вэй Цю.

С землетрясениями он дела никогда не имел.

— Тогда ходим на гору? Посмотрим, подойдет ли этот щебень для двора.

Глаза Вэй Цю азартно блеснули.

— Хорошо. Как дождь стихнет, отведу тебя.

Закончив с соломой, они сходили на задний двор и подправили курятник.

Днем дождь прекратился, и они отправились к горе. Путь был неблизкий, ноги вязли в грязи, но зато земля была влажной — не нужно было даже делать раствор. Желтая глина в их дворе была очень клейкой: можно было просто насыпать щебень и утрамбовать его. А для центральной дорожки к воротам Вэй Цю решил позже набрать гальки в ручье.

Они присели на корточки. Вэй Цю не знал, как называется этот серый камень, но он был очень твердым и за столько лет под дождями не развалился. Щебня было много, виднелись следы бывших работ. Сказано — сделано: они достали корзины и начали нагружать камень. Вниз клали покрупнее, сверху — помельче.

За вторую половину дня они обернулись дважды. После этого Шинань наотрез запретил Вэй Цю идти снова. На самом деле он не хотел пускать его еще во второй раз, но поддался на уговоры. А когда собрались в третий раз, Шинань так строго глянул на него, что Вэй Цю лишь шмыгнул носом и молча поставил свою корзинку (которая была на размер меньше корзины мужа).

На душе у Вэй Цю стало беспокойно. Глядя вслед уходящему Шинаню, он досадовал на себя: «И зачем я только язык распустил? У него ведь и так нога болит».

Когда Шинань вернулся, Вэй Цю вцепился в него и ни в какую не пускал обратно. К тому же Шинань так разошелся, что, казалось, готов был замостить весь двор за один вечер.

Вечером после ужина Вэй Цю снова заварил полынь. Он усадил Шинаня на скамеечку и принялся сам массировать ему ноги. Шинань покраснел до кончиков ушей, пытался убраться, но Вэй Цю не поддавался.

Юноша поднял голову и спросил: — Ну как? Сильно нажимаю? Не больно?

Шинань чувствовал, как от прикосновений этих маленьких белых рук к его ногам словно пробегает электрический ток, вызывая дрожь во всем теле.

— Хорошо, — хрипло ответил он спустя долгое время. — Не сильно. Вставай уже.

Вэй Цю покачал головой: — Ничего, я еще немного помассирую, чтобы мышцы расслабить.

Время шло, дыхание Шинаня становилось тяжелее. Наконец вода в тазу остыла. Шинань резко перехватил руку Вэй Цю. Тот вздрогнул — ладонь мужа была обжигающе горячей.

— Ши-гэ, у тебя рука горит! Неужели простудился под дождем и жар начался?

Вэй Цю смотрел на него широко открытыми глазами, взгляд его был мягким и послушным. Шинань же смотрел на него так, как крупный хищник смотрит на свою добычу...

Атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Под этим жгучим взглядом Вэй Цю невольно вспомнил утренний поцелуй.

Лицо его залилось краской, он опустил голову: — Ши-гэ, вода... вода остыла! Я пойду вылью!

Вырвав руку, он в суматохе выбежал во двор. Простояв там долгое время на прохладе, он так и не смог унять бешено колотящееся сердце...

<http://bllate.org/book/17091/1595861>